

Нечаянное чудо Марли

Джордж Бишоп не был выдающимся мастером маскировки, но он знал, как надевать накладные усы. Он провёл пальцем по верхней губе и выровнял их с уверенностью злодея из какого-нибудь фильма о Джеймсе Бонде:

— Самое главное — не чихать!

Усы были изготовлены из мишуры и сверкали, отражённые светом раннего вечера, в глазах бабушки Фло. Она тихонечко постучала пальцем по кончику носа, сбоку, и по секрету сказала:

— Если нужно куда-то попасть тайком, шарм превыше всего!

Рождественская ярмарка в Гайд-парке развернулась перед ними, будто величественный город, огромный и ожив-

лѣнный; его волшебные огоньки подмигивали Джорджу сквозь суетливую толпу.

— Называй меня мисс Омела Марпл, — сказала бабушка Фло, ускоряя от восторга шаг. — Я же тебе говорила — найдѣм!

Джордж широко улыбнулся:

— Ну, она вообще-то не пря...

Громкое ворчание оборвало его на полуслове. Улыбка испуганно слетела с губ. Мимо них протиснулся широкоплечий деловой человек в чѣрном пальто, развевавшемся на ветру.

Джордж оцепенел.

— Это же...

Бабушка Фло продела руку ему под локоть:

— Он никогда нас здесь не найдѣт, моя радость. А сегодня тем более. *Особенно* с твоей замечательной маскировкой.

Джордж облегчѣнно присел. Бабушка Фло права. Ранним вечером 23 декабря отец был на работе. Точно так же, как в любой другой день в году, в жару и в стужу, в выходные, в будни и в праздники — в каждую минуту, если она приносила доход. Хьюго Бишоп даже не *помышлял* о том, чтобы сделать из кабинета хоть шаг на улицу, особенно теперь, когда Рождество носилось повсюду, как зараза.

Молочные облака над головой наполнились обещанием снега, а в воздухе плыл аромат корицы. Вдохнув полную грудь манящего аромата, Джордж переступил ворота ярмарки.

Он был счастлив здесь, в чреве Рождества. Здесь можно наесться досыта мясных пирогов и сладкой ваты. Здесь можно разгуливать без опаски, спрятав лицо под усами из мишуры.

— Я их, наверно, не буду снимать, — сказал он бабушке на колесе обозрения. — Я в них делаюсь такой важный.

— Ты даже похож немного на Кларка Гейбла, — ответила бабушка Фло с набитым помадкой ртом, — одного из моих самых любимых артистов.

А потом, помолчав, добавила:

— Или, по крайней мере, на ручку рождественской метлы.

Она поправила своё тщательно подобранное рождественское украшение: заколку для волос в виде веточки остролиста — с яркими красными ягодами и нефритовыми листочками. Бабушка заколола её над левым ухом, и даже зелень бабушкиных глаз становилась рядом с заколкой как будто ярче. Почти... до озорства.

Через несколько часов, когда луна уже карабкалась в фиолетовом небе, а ноги отяжелели, устав бродить по стране чудес, бабушка Фло сунула Джорджу в ладонь бумажку в пять фунтов:

— Сбегай-ка к Джино и купи себе горячего шоколада! — она показала рукой на ряд одинаковых деревянных киосков, которые стояли развёрнутые к карусели. — Мне оставишь пастилку. А я пойду закажу глинтвейн — парутройку.

Джордж припустил со всех ног. Ему казалось, что «Шоколад Джино» — это последний магазинчик в ряду, но, добежав, он обнаружил ещё один киоск, приткнувшийся с самого края. Украшения на киоске отсутствовали — за исключением перекошенной вывески, что висела над дверью.

Она гласила:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДИКОВИНКИ МАРЛИ

И ниже, мелким шрифтом:

**Взрослые категорически не допускаются.
Вход по вашей прихоти**

Джордж толкнул дверь, и над ней звякнул колокольчик.

Изнутри магазинчик, к изумлению Джорджа, оказался больше, чем он ожидал. И к тому же там было уютно. Свежие сосновые иголки покрывали пол и наполняли магазинчик ароматом хвойных деревьев. Над головой с низкого потолка свисали рождественские гирлянды, озаряя всё вокруг мягким свечением. Какие-то дети — мальчик и девочка — внимательно изучали ближайшую к двери полку. Они были немного помладше Джорджа и спорили из-за ярко-жёлтого мешка сладостей.

— У мамы аллергия на ириски, башка ты *дубовая!*

— Не путай с *нугой!* Это *громадная* разница!

В глубине магазинчика за деревянным столом, заваленным книгами, сидел старик и читал газету. Очки у него громоздились на самом кончике носа.

Старик посмотрел на Джорджа поверх очков.

Джордж приветственно поднял затянутую в перчатку руку:

— Э-э... здрасьте.

Старик — Марли, предположил Джордж, — вдруг свёл вместе кустистые брови и вперился в него пристальным взглядом:

— Возраст?

— Э-э... — шаркая ногами, Джордж обогнул кучку детей, которые восторженно щебетали возле стола посреди магазинчика, и подошёл поближе.

— Десять, — ответил он.

— И? — подсказал Марли.

— Десять... и четыре месяца?

Марли чмокнул губами:

— Столько волос на лице — необычно для десяти лет и четырёх месяцев. Не сказать, чтобы я не видывал этого раньше... — Он подозрительно сощурил глаза. — Однако это такая же редкость, как пурпурный олень.

— Пурпурных оленей не бывает, — сказал Джордж.

Марли уставился на него:

— Неужто?

От неловкости Джордж переступил с ноги на ногу.

— Это накладные усы. Всего только мишура.

— Понятно, — с сомнением произнёс Марли.

Внимание Джорджа отвлекла дата на газете.

— 1843 год? — поморгал он для верности. — А зачем вы это читаете? Это же 1843!

— Предпочитаю классику, — ответил Марли таким тоном, в котором явно слышалось: «Это же очевидно».

— *Хм.*

Взгляд Марли неожиданно вспыхнул ярко и пронзительно, пригвоздив Джорджа к месту. Потянулось молчание. Наконец, широко зевнув, старик вновь обратил внимание на события 1843 года.

— Тебе и правда десять лет и четыре месяца. — И он надменно дёрнул рукой. — Хлопушки бесплатно. По одной на ребёнка. Всё остальное за деньги.

— Хорошо. Спасибо.

Джордж отошёл к столу посреди магазинчика и сунул голову между столпившихся плеч. На столе колыхалась груда рождественских хлопушек.

Рыжеволосая девочка, потянув за хлопушку, только что отыскала внутри превосходно настроенную музыкальную шкатулку. А в хлопушке у её сестры оказалась живая бабочка — она порхала между девочками, и крылья её переливались серебром и золотом.

Рядом с ними два брата, раскрыв широко глаза, испытывали одинаковые миниатюрные телескопы.

— В моём видно *кота!* — щурясь в окуляр, захлебнулся от радости старший. — А в твоём что?